

Папина "невеста"

Детских фотографий у отца не было. Поэтому я представляю его похожим на нестеровского отрока Варфоломея, со светлорусыми волосами и синими глазами. Этот синий цвет глаз он сохранил до глубокой старости.

В этом году отцу исполнилось бы сто двадцать лет. Он родился в позапрошлом веке под Пензой. В семь лет он остался круглым сиротой. И в семь лет он пошел работать. На винокуренный завод. На заводе его обязанностью было зажигать керосиновые лампы, следить за ними, подправлять фитили. За это он получал жалованье — один рубль. На этот рубль он жил в течение месяца. Он не искал защиты в орудии пролетариата — булыжнике, а свои детские печали, свое детское горе доверял только Богу, вознося ему свои искренние детские молитвы.

Хозяин завода обратил внимание на старательного одинокого мальчика, проникся к нему сочувствием и начал его продвигать по службе, как сказали бы сейчас, давая ему все более сложные поручения и повышая жалованье.

Ни одного дня мальчик не учился в школе.

Но через какое-то время на заработанные деньги мой будущий отец смог взять себе студента-репетитора, который обучил его чтению, письму, потом азам математики, поделился знаниями об окружающем мире, то есть стал его школой, его университетом.

Получив это "домашнее" образование, уже юношей, отец окончил какие-то курсы не то бухгалтеров, не то счетоводов, как это тогда называлось. Почувствовав, что он выжил, не утонул в этом житейском море, видя в этом Божий промысел, отец смог исполнить обет, возможно, принесенный им еще в детстве.

Года за два до начала Первой мировой войны он приехал в Одессу, остановился в Андреевском подворье и отсюда отправился в паломничество по Святым местам — Афон, Синай, Святая Земля. У меня сохранилась своя "Ветка Палестины" — Путеводитель по Святым местам, изданный Российско-палестинским обществом, с отцовскими пометками.

Он обошел пешком всю Святую Землю. Но грянула Первая мировая, и русских паломников, возвращавшихся в Россию, интернировали в Константинополе, где они провели целый год. В Константинополе тоже было Андреевское подворье, даже по архитектурному облику повторявшее одесское. Оно и стало для русских паломников убежищем. Про-

работав на тяжелых физических работах, отец смог вернуться наконец-то в Одессу, откуда пошел солдатом на Германскую войну, попав на галицийский фронт.

Повидавший Мраморное, Средиземное, Мертвое, Черное моря, он влюбился в морскую безбрежность на всю свою долгую жизнь и поэтому из окопов германской вернулся в полюбившуюся ему Одессу. В заменившее ему дом Андреевское подворье. Работал там истопником, выполнял еще какую-то тяжелую работу. Этого он никогда не гнушался.

А к церкви Андреевского подворья жались ее прихожане. Из "бывших". Со многими из них отец сохранял дружбу всю жизнь. Очевидно, тогда, в этой среде, к отцу и стали обращаться исключительно по имени и отчеству — Степан Никитич. Могу только сказать, что ни разу(!) я не слышала, чтобы отца звали иначе. Даже когда меня стали звать Валентина Степановна — мне это казалось странным; Валентина Степаникитична — мне это казалось бы естественным.

Ему уже было за тридцать, он был статен, синеглаз, в нем была какая-то внутренняя культура. Он был человек искренней веры и религиозной образованности. И эти "бывшие" приняли отца в свой круг.

Среди прихожанок были — Вера Андреевна Биллиг и ее дочь Лидия Осиповна. И знакомые стали прочить Лидию Осиповну в невесты отцу. Не могу судить, насколько продолжительными были эти усилия, но из них ничего не вышло. Но об этом дальше.

И хоть однажды какой-то хиромант предсказал отцу, что у него будет большая семья, отец отнесся к этому с недоверием, будучи не только совершенно одиноким в этом мире, но и устоявшимся холостяком.

Правда, пройдет еще несколько лет, и отец встретит свою Полечку, юную северянку, только недавно окончившую школу, круговертью гражданской войны унесенную со всей своей большой семьей "с милого севера в сторону южную".

И при всем недоверии ко всяким предсказаниям, отец понял, что слова хироманта, рассмотревшего на его руке линии судьбы (а встретились они в поезде, и рука была протянута от железнодорожной скуки), оказались вещими.

Так, вместе со своей Пелагеей Андреевной, со своей Полечкой он обрел большую родню, ее сестер и братьев, потом родились мы, три дочери. Он не чаял души в маме и в нас. И, несмотря на все лишения, все горести и невзгоды, считал себя счастливым человеком, в избытке делившимся всем, что у него было, с родственниками и друзьями. Когда он умер в весь-

ма почтенном возрасте, его, незнаменитого человека, проводить в последний путь пришло очень много людей — с тем он поделился куском хлеба, о том он помолился, для того нашел слова утешения и надежды...

А его друзья по Андреевскому подворью стали друзьями всей семьи. И среди них Вера Андреевна и Лидия Осиповна. Какие-то семейные предания были известны и нам, детям, потому что часто мы встречали отца словами: "Папа, приходила твоя "невеста!". Лидия Осиповна крестила мою сестру Таю, которой коснулось княжеское происхождение крестной матери.

Дело в том, что Вера Андреевна Биллиг в девичестве носила фамилию Волконская. Она принадлежала к знаменитому княжескому роду, была родственницей Льва Толстого. Я помню ее в первые послевоенные годы — хрупкую пожилую даму, в неизменной шляпке. Помню разговоры за нашим столом о Толстом. Вера Андреевна и гордилась своим великим родственником, и страдала из-за его отлучения от церкви.

В моей памяти сохранился какой-то пасмурный день, когда в слезах прибежала Лидия Осиповна: скончалась Вера Андреевна. Моя мама сняла со стены наш простенький ковер, чтобы постелить под гроб. Так княжну Волконскую в последний путь провожали мои родители.

Лидия Осиповна осталась одна. Опять же из семейных преданий — она уже собиралась выйти замуж, но началась война, и ее жених погиб то ли в гетто, то ли на фронте. (Кстати, об отце Лидии Осиповны говорили, что он был немцем, военным морским капитаном. То ли он погиб на Первой мировой, то ли, подобно булгаковскому Тальбергу, ушел со своими — неизвестно. По-моему, толком о его судьбе не знали мать и дочь.)

Часто меня посылали с какими-нибудь скромными гостинцами навещать родительских друзей, старичков и старушек, какими они мне казались в моем детском возрасте, — здоровы ли они, что-то давно не приходили! (Телефонов ведь не было.) Признаюсь, что я с удовольствием исполняла роль гонца. У Филипповичей меня усаживали за круглый стол, на который ставилась мамалыга или картошка, — но сервировка! Столовые приборы, лежавшие на серебряных подставочках, кольца для льняных салфеток — все это приводило меня в восторг.

Жившая в полутемной то ли бывшей дворницкой, то ли бывшей прачечной, Мария Мироновна, певшая в прежние времена на оперной сцене, рассказывала о Париже, раскладывала передо мной старинные фотографии...

Лидия Осиповна принимала меня в своей "гостиной" — в пустой ком-

натенке, в которой стояли два стула и какой-то комодик с зеркалом над ним. Во вторую комнатку, бывшую спальней, я никогда даже не заглядывала. Мне кажется, что у нее не сохранилось ничего, напоминавшего о ее прошлом. Никаких материальных свидетельств. Но...

Однажды я пришла к Лидии Осиповне, и почему-то после традиционных расспросов о житье-бытье мы заговорили о Пушкине и о "Евгении Онегине". Очевидно, я училась в восьмом классе, когда "проходили" в школе Пушкина. И, несмотря на то, что онегинские строфы я знала наизусть, но, увы, несла чушь, вбитую в голову советской школой.

Лидия Осиповна терпеливо (теперь я понимаю — с сожалением) слушала меня, а потом, когда я иссякла, произнесла: "Валечка, но как Татьяна могла написать такое письмо Онегину?! Девушки нашего круга такого себе не позволяли!". И я от этих слов застыла, как все герои "Ревизора" в немой сцене.

Она стояла, опираясь, на комодик, в нищенской комнатенке. Эти слова о "девушках нашего круга", были ее столпом веры, ее княжеским наследством...

